

Василий Буслаев в Новгороде

...Сидел Василей сын Буслаевич,
Они пили-де, ели потешалися,
О полу-де пира, да прираспорили;
Ударилса Василей сын Буслаевич,
Ударилса Василей о велик заклад,
Битьсэ бы, драться с Новым-городом,
Оприч Онтоньева монастыря,
Задор возьмёт дак и с Онтоньевым.
Говорит ему матушка родимая:
— Ты ой моё цядо нынче милое,
Ты бладой Василей сын Буслаевич!
Да жил-де Буслав да девяносто лет,
Не имел-де Буслав девяти друзей,
Имел Буслав дак он три друга,
Да три-то друга, да три названья,
У тя, моё цядо, не единого.

Втапоры Василей сын Буслаевич,
Устроил-то щан да среди двора,
Спустил он ведь чашу полтора ведра;
Да втапоры Василей сын Буслаевич,
Садилса Василей на ремещат стул,
Писал ерлыки, да скоры грамотки,
Метал по дорогам прямоезжиим;
Да шли бы, брели бы к Ваське на двор,
К молодому Ваське Буслаевичу,
Братчину пить бы медовую,
Деньги платить бы единому мне-ка-ва,
Ножики доржать-то переменныя
Из того из Нова-города,
Из того бою кулачного,
Идут-то шильники, мыльники, игольники,
Всякия люди недобрыя,
На пир они шли, дак уж радовались,
С пиру пошли, дак нын заплакали:
— Да у вора у Васьки Буслаева,

Не упито было, не уедено,
Красно-хорошо было не ухожено,
Только на век увечья залезено.

Из того из Нова-города,
Из того бою кулацкого,
Идёт-то ведь Костя Новоторженин,
Да будет-то Костя среди двора,
Говорит Василей сын Буслаевич:
— Не признеть тебе чаша единой рукой,
Не выпить те мед да единым духом,
Не снести тебе удару богатырского.

Берёт-то ведь Костя единой рукой,
Выпивает-то мёд да единым духом;
Машот Василей черлёным везом
По его по буйной по головы;
Стоит молодеч, да не ворохнетче,
На головы кудерцы не трехнутче,
Челом он ударил, да ведь вон пошел:
— Да будь ты мне, Васенька, названой брат.
Говорит-то Василей сын Буслаевич:
— Да паче ты брата родимого.

Из того-де из Нова-города,
Как из того бою кулачного,
Да будет тут нын как Фома толстой,
Фома-то толстой, сам ремесленной,
Да будет Фома и среди двора,
Берёт-то ведь чашу единой рукой,
Выпивает-то мёда единым духом;
Да машот Василей черленым везом
Да по его буйной по головы;
Стоит молодец, не ворохнетче,
На головы его кудерцы не трехнутче,
Челом он ударил, сам и вон пошел:
— Да будь ты мне, Васенька, названой брат.
Говорит-то Василей сын Буслаевич:
— Да паче ты брата мне родимого.

Из того-де из Нова-города,
Как из того бою кулачного
Идёт-то Потанюшка хроминькёй,

На одну ножку Потанюшка припадывает,
На другу ножку Потанюшка прихрамывает,
Костылём бы Потаня подпирается,
Ко двору-то Потаня приближается,
Да будет Потаня среди двора,
Берёт-то Потаня чашу единой рукой,
Выпивает-то мед да единым духом;
Да машот Василей черленным везом,
По его по буйной по головы;
Стоит молодец, не ворохнетче,
На головы кудерцы не трехнутче,
Челом он ударил да и вон пошел:
— Да будь ты мне, Васенька, названой брат.

Говорит-то Василей сын Буслаевич:
— Да паче ты брата мне родимого.
На том бы пошли да вот во Новгород,
Пришли-то ко стены городской,
Говорит-то Василей сын Буслаевич:
— Ищэ хто из нас, братцы, на ножку легок?

Да Потанюшка у нас на ножку легок,
Скакал через стену городовую,
Роздергивал решетки железныя,
Отворил ворота да городовыя;
Запустили свою дружинишку хоробрую,
Да Костя прошел да тысяцю убил,
Фома-то прошел, дак нынь другу-ту убил,
А Василей сын Буслаевич
Вперёд-де махнёт, дак лежит улича,
А назад отмахнёт — с переулками.
Кабы видят мужики да новгорожана,
Они видят себе да неминучую,
Побежали к васильевой матушки:
— Ты ой есь, васильева матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна!
Уйми своя чада нонь любимого,
Оставь бы в Нове-городе хоть бы малого,
Хоть бы малого, да хоть бы старого.

Пошла-то васильева матушка,
Пошла-то она да на побоищо,

Брала-то Василья за белыя руки,
Поводила Василья в теплу ложню-ту,
Привела-то Василья в ложню тёплую,
Сковала в железа нынь тяжелыя,
В ножны и в руцъны, нынь в заплечныя;
Да спит-то Василей, не пробудитсе.
Да втапоры девушка чернавушка,
Пошла-то-де по воду на Волхову-реку,
Воротила к Василею Буслаевичу,
Как замкнут Василей ныньце в три замка,
Как в три-ти замка да ныньце крепкия;
Втапоры девушка чернавушка,
Она пнула-то двери правой ногой,
Отлетели-то двери с ободверинками,
Заходила-то девка в ложню тёплую,
Сама говорила таковы речи:
— Ты ой есь, Василей сын Буслаевич!
Ты спишь-то Василей, не пробудишьсе,
Как вся твоя дружинишка в крови ходит,
Кушаками у ей головы приверчены.

Пробудилса Василей сын Буслаевич,
Скакал-то Василей на резвы ноги,
Он выломал железа нынь тяжелыи,
Ножны и ручны, нынь заплечный,
Побежал-то Василей на побоищо,
На сильнё, грозно́, на кровавоё,
На стрету старик идёт Антоний-от,
На главы несёт колокол девяносто пуд,
Язык в колоколе петъдисят пудов,
Сам говорит да таковы реци:
— Ты ой, Василей сын Буслаевич!
Да мо́лодо курё — не попа́рхивай,
Не выпить те воды да из Волховой-реки,
Не выбить те людей да из Нова-города.
Сызмалешиньки в едином училище училися,
Тогда мы с тобой боролисе,
Тогда я тебя частенькё побрасывал,
А ты меня — тогда-сегды.

То Васьки слово за беду стало,

За велику досаду показалосе,
Побежал-то Васька нынь за Волхову-реку,
Вырывал-то дубину он из корени,
Он машот дубиной нынь с кокорою,
По его по буйной по головы,
Покатилась голова с плечь как пуговица,
Поворотитсе у старика еще язык в головы:
— Топерь нету, Василей, тебе старого вожака.

Прибежал-то Василей на побоищо,
На сильнё, грозно на кроволитие,
Вперед-то махнул, дак лежит улича,
Назад отмахнёт — с переулками.
Да ведь видят мужики новгорожана,
Побежали к Васильевой матушки:
— Ты ой есь, Васильева матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна!
Уйми своя чада любимого.
Говорит-то Васильева матушка:
— Вы ой есь, мужики новгорожана!
Да что вы над чадом насмехаитесь:
У меня спит-то Василей крепко-накрепко,
Он скован в железа во тяжелыи,
Во ножны, во ручны, во заплечныи.

Пошла-то Васильева нынь матушка,
Пошла-то она да в ложню тёплую,
Как нету Василья Буслаевиця;
Побежала она да на побоищо,
На сильно, грозно, на кроволитие,
Пришла она да на побоищо,
На сильнё, грозно, на кроволитие;
Не можот унёть цядо родимое,
Схватила его за праву ногу,
Говорит-то Василей сын Буслаевич:
— Да што за трепича за ногой волочитче!
Да што за онуча привязаласе?

Говорят мужики новгорожана:
— Ты ой есь, Василей сын Буслаевич!
Уйми свое сáрцо ретивое:
Не трепича за тобой да волочитче,

Не онуча к тебе да привязаласе,
Как волочйтче матушка родимая,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна. —
Умирилсэ Василей сын Буслаевич,
Да сам говорит-де таковы речи:
— Уж вы ой есь, мужики да новгороджана!
На то у нас был да право уговор:
Обсыпать бы мой да нынь черленой вяз,
Обсыпать бы мне да красным золотом.

(Записано летом 1902 г. в д. Бедовая Пустозерской вол. (Нижняя Печора) от Павла Григорьевича Маркова, 76 лет. Начала былины сказитель не помнил.)

Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб., 1904.